

Владислав Юрьевич Дорофеев

Фифа

Владислав Дорофеев

Фифа

«Автор»

Дорофеев В. Ю.

Фифа / В. Ю. Дорофеев — «Автор»,

ISBN 978-5-457-22054-6

ISBN 978-5-457-22054-6

© Дорофеев В. Ю.

© Автор

Владислав Дорофеев

Фифа

Розы стояли на столе и пахли противно и душно.

А почему бы и не так начать, какая, собственно, разница, были бы хороши бедра и грудь, ноги и руки, глаза и волосы, рот и губы, нос и живот, спина и кожа, затылок и походка, зубы и взгляд, ступня и лицо. Что еще нужно, когда есть хорошие бедра и грудь, ноги и руки, глаза и волосы, рот и губы, нос и живот, спина и кожа, затылок и походка, зубы и взгляд, ступня и лицо. Как же просто повторять написанное, взять и переписать, как же трудно было писать заново, ой, как же тяжело, тяжелее ничего не бывает, а вы думаете, что бывает, я к вам, уважаемый читатель; ведь прежде чем я напрямую свяжу вас с моей героиней, я должен убедиться в том, что ты меня слушаешь, в том, что ты меня любишь, в том, что ты меня хочешь понять, а значит, с пониманием и по человечески отнесешься к моей героине, несмотря на ее странности, на ее причуды, на ее низость, ее жизнь. Какая же она, очень интересно, какая же она предстанет перед нами?

Может быть вот такая. Белые волосы, тонкая кожа, узкое лицо, небольшого росточка, худенькая, глаза насурьмленные, цвет их не различим, у нее маленькая грудь, она певица Вески. А может быть она мужеподобна, как та австралийская теннисистка, у нее нет талии, маленькая грудь и лицо похожее на гранитное яблоко. А может быть она похожа на меня, но как же быть с характером и прочим? Может быть она высокая, выше среднего женского роста, у нее волосы цвета вороньего крыла. Я не знаю какая она, но какой-то она же должна быть, должно же быть у нее все, что есть у человека. На этом остановимся, она человек, она женщина, хотя я не знаю, как она выглядит, мы с ней этого еще не выяснили, мы пока еще на пути друг к другу.

В какой точке мы встретимся?

Об этом нам расскажет вот этот рисунок на стене. Впрочем, это даже не рисунок, а вырезанный из красной, синей, черной, зеленой, желтой, фиолетовой бумаги многогранник. Вот она эта стена, я уперся в нее взглядом, сейчас сюда должна войти моя девочка, а я не успел подготовить ее выход.

Впрочем, розы стояли на столе и пахли противно и душно. Хотя вот сейчас передо мной их нет, как нет и куста за окном и нет перед глазами моей фифы, эту кличку я сам дал моей девочке, моей героине, ее жалко, за нее горько, я перед ней испытываю чувство стыда, я виноват в чем-то перед ней и такими как она. Хотя не исключено, что я виноват прежде всего перед собой. В чем? Ну хотя бы в том, что бросил писать стихи, или я еще не начинал их писать, а как вы думаете? Впрочем, твое мнение читатель, меня интересует до тех пор, пока тебе интересна моя девочка, а она должна быть тебе интересна, не правда ли, читатель, хотя бы из жалости к ней, если пока не из интереса, тем паче любви.

Вот она подходит к столу, ей бы задыхаться от любви к своему автору, а она подходит, будто ее принуждают, может быть так и есть. Зачем я ее вытащил наружу, почему я решил, что сумею помочь ей? Потому что я ее жалею, потому что я не жалею себя, потому что мне стыдно перед ней, фифой. Впрочем, эти рассуждения бессмысленны, мы не вольны были выбирать друг друга, все вышло без какого-либо нашего решения, согласия или не согласия. Она – подходя ко мне – еле скрывает страх, она боится меня, потому что боится себя. О, как же мне жалко фифу. Может быть мне еще больше ее не хватало, чего же больше во мне по отношению к ней, жалости или одиночества. Я не такой, я другой, но этой бабочки мне не хватает, ее вида, ее маленького сердца – причины всех ее бед. Я не знаю как мне начать разговор, она уже здесь, она уже пришла.

Наконец-то я увидел ее, у нее карие глаза. Она вошла, когда начались «Новости» по телевизору, что же сегодня там на экране? В день военно-морского флота нам показывают сюжеты, посвященные этому Дню. Ленинград, Североморск, Севастополь, Калининград, везде моряки, везде корабли, а в Орле сегодня на празднике, посвященном Дню военно-морского флота, играл военный оркестр, майор-дирижер, красивый мужчина. Есть что-то в фигурах военной музыки, есть немного инертного покоя, но больше, конечно, веселого любования обрядностью и тщеславием, без которых нет ВМФ, нет армии.

Как мы с ней познакомились? Я бежал по набережной Орлика, навстречу девушка, она останавливает меня повелительным жестом и протягивает мне раскрытую ладонь. Что, мол это? На ладони лежит шарик, кажется, гипсовый, но не совсем шарик, две сферы соединены небрежно, неточно, видно форма была плохой. Это не бильярдный шарик, спрашивает она? Нет, это не бильярдный шарик, это скорее чей-то глаз, вырванный безжалостной рукой. Это карий глаз, вырванный безжалостной рукой, тогда почему же, взглянем в лицо девушки, у нее оба глаза на месте? Нет, хотя это и карий глаз, но это не ее карий глаз, это чужой карий глаз, но чей же это карий глаз, может быть мой карий глаз? Но у меня не карие глаза, тогда чей же это карий глаз, может быть это карий глаз читателя, тогда кто же этот читатель, у которого ирония в глазах, которые карие?

Ах, читатель, ты продолжаешь ждать действия, ты продолжаешь читать это месиво в надежде встретить положительного героя, в надежде на необыкновенное действие, в попытке увлечься за сюжетом. Ничего ты здесь не найдешь, кроме страстного движения мысли, в попытке нащупать идею жизни, идею, которая могла бы подхватить предыдущую идею и наполненная новой потребностью, воплотиться в новую жизнь, а уже потом увлечь за собой людей. Почему же я никак не могу исполнить последний шаг, шаг который отделяет меня от послушания к нетерпимости, к действительности и абсолютной самостоятельности. Чего же не хватает? Если бы знать. Но я не знаю. Все, что я пишу и напишу еще, все это с одной целью, разорвать узы собственнического сознания, сознания мещан и обывателей, сознания аристократов и плебеев, сознания торгашей и слуг, сознания купцов и художников, сознания изгоев и сознания бездельников. Может ли мне помочь эта девочка, эта фифа с карими глазами, несмотря на ее короткий век, она может знать выход, потому только, что она не обременена сознанием совсем, напротив она лишена всяких начал сознания.

Ага, это уже ближе к сюжету, это уже какое-то развитие. Итак фифа – это создание, у которого нет сознания, это человек, который находится вне действия общества и истории, это пустышка в глазах общества и нас с тобой читатель, но она человек. Как же с ней быть? В ее присутствии, под ее взглядом, в ее устах все теряет ценность, потому что ценность у фифы – это только она и ничего другого у нее нет, никакой другой ценности, кроме ценности ее собственного существования. Вот как это вскрыть, как показать гадость такого существования. Я жил среди таких людей, моя семья – это такие люди. Как много горя мне принесла официальная версия материнства, как самого главного понятия на земле, как долго я шел к преодолению материнства, этого института старого времени, идущего издалека, из общины и еще дальше. Материнство – эту язву нужно замазать хорошей мазью свободного сознания, свободного желания, жажды самостоятельной жизни. Плевать на материнство.

Возьмем, например, впечатления сегодняшнего дня. Фифа из картинной галереи, ее полная фигура, рост выше среднего, глаза карие, которые останавливаются артистически, когда она хочет покапризничать или слегка пожеманничать, или когда она рассказывает вещи, которые ей нравятся, когда говорит о том, что, как ей кажется, она любит, хотя она, конечно, пока плохо разбирается в своих привязанностях и своих желаниях. Она пока излишне сумбурна и, кажется, поверхностна. Нужно будет посмотреть на нее поближе.

Как я это сделаю? Я позвоню нашей общей знакомой Ирме в картинной галерее, попрошу пригласить фифу к телефону и поговорю с фифой, скажу ей о том, что я бы хотел

познакомиться с ней поближе, хотел бы понять ее, и не скажу ей о том, что я просто хочу изучить ее, изгибы ее души и ее сознание. Затем я приглашу ее куда-нибудь, но куда? Вероятнее, прогуляться, но так, чтобы подальше от посторонних глаз, туда, где не будет знакомых лиц и любопытных взглядов, где никто меня не узнает. Впрочем, доверяться ей ни в чем нельзя, она, скорее всего, пустышка. Но мне хочется позабавиться с ней, немного развлечься, слегка развеяться. Она приятно розовеет от волнения и любопытства к ней, хотя она излишне грузновата, но у нее нежная кожа на ляжках, это я запомнил, когда случайно вставая, оказался чуть позади нее, и она словно бы чуть присела от неожиданности на мое левое колено. У нее легкое платье, газовое, еще чехол, а кожа нежная, приятная, полноватая ляжка, может быть слишком мягкая, но волосы у нее хороши, сама она молода.

Вот, я думал об этом полдня, после встречи с хамом. Я вспомнил, что мне хотелось более всего узнать что-нибудь о моей фифе. Она сказала о деньгах, что деньги – это важно, и что может быть выше денег нет ничего, и даже если это не так, но все же деньги нужны. Что это значит? Это значит, что, если человек выпячивает то, о чем мы все знаем, постоянно сталкиваемся, а следовательно, думаем, стало быть такой человек уделяет этому предмету особое внимание, следовательно, больше чем обычно мыслей и чувства, и внимания. Хотел бы я знать как можно такого человека побыстрее перевоспитать? Может быть наказать, но тогда как, или может быть напротив, наказывать не нужно. А, что если мне натравить на этого человека собак. Этот человек-фифа из галереи, но разве фифа сумеет с ее полнотой убежать от собак?

Она, наверное, будет неловко бежать, подпрыгивая и сатанея на бегу, она будет постанывать и повизгивать, а потом она упадет и уже не встанет совсем, она только закроет лицо ладонями и затихнет навсегда, последний раз она крикнет, когда ее цапнет первая собака, затем она умолкнет, и это будет навсегда, это будет ее вечное молчание. Добрая ей память.

Фифа еще очень и очень поверхностна и недалека, и она наивна, она опытна там, где начинается быт и энергия интимных отношений, энергия камерности и семьи, там она звереет, превращаясь в истеричку, в ту самую бабу, портрет которой моей фифе нравится, портрет которой она любит и мечтает украсть из галереи, унести к себе домой, потом на дачу на берегу лесного озера, а там забраться на самую высокую сосну и повесить картину на самой верхушке. Вот какая забавница моя фифочка, с ней не соскучишься. Что в ней еще мне запомнилось, что в ней мне показалось интересным? Может быть глаза, но об этом я уже подумал, что сейчас я напишу, что об этом я уже писал. Разумеется, не все же внове. Фифа, пора бы тебе откликнуться на все мои призывы и прийти ко мне в объятия, наконец, вести самой этот рассказ о тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.